

Владимир ЕГОРОВ,
Елена АЛЕКСАНДРОВА,
Андрей ИНШАКОВ

РЕГЕНЕРАТИВНАЯ, СОЛИДАРНАЯ ЭКОНОМИКА: К ТЕОРИИ ВОПРОСА

Аннотация

Актуальность темы определена современным состоянием экономической теории, слабо реагирующей на изменения, происходящие в глобальной экономике. Теория, призванная определить устойчивые и периодически возобновляемые связи, явления и тенденции развития процессов, создает представление о едином материальном жизненном цикле общества. В качестве цели настоящей статьи определено исследование актуальных трансформаций мировой экономики, обуславливающих необходимость общественной коррекции политэкономии.

Цель работы состоит в определении актуальных экономических трансформаций, учет которых составляет основание для пересмотра устоявшихся положений мейнстрима экономической науки в части осмысления тренда регенеративной экономики.

ЕГОРОВ Владимир Георгиевич – доктор экономических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политической экономики и истории экономической науки РЭУ им. Г. В. Плеханова. Адрес: 117997, Россия, г. Москва, ул. Зацепы, 43. *E-mail:* korrrka@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-2478-590

АЛЕКСАНДРОВА Елена Васильевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, доцент научной школы «Экономическая теория» РЭУ им. Г.В. Плеханова. *E-mail:* NSchool.ET@rea.ru

ИНШАКОВ Андрей Алексеевич – младший научный сотрудник РЭУ им. Г. В. Плеханова. *E-mail:* aero789@mail.ru

Ключевые слова: постмодерн, информационное общество, регенеративная экономика, солидарная экономика, кооперативная форма социально-экономической организации.

Финансирование: исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 23-28-01043 «Кооперация в стратегии развития общества», <https://rscf.ru/project/23-28-01043/>

Результаты исследования заключаются в презентации положения о том, что вступление человечества в эпоху информационно-коммуникационной революции обуславливает необходимость адекватной научной рефлексии и коррекции постулатов экономической теории, составляющих стержневую «вертикаль» научного знания.

При этом рамки статьи не позволяют покуситься даже на поверхностное перечисление всех аспектов экономической науки, нуждающихся в существенной реформации. Авторы статьи претендуют только на выделение части перемен глобальной экономики, способствующей возрастанию солидарной экономики вообще и ее кооперативного сектора, в частности.

Введение

Нарастающая динамика глобальных экономических трансформаций, связанных с информатизацией планетарного пространства, настоятельно диктует, по крайней мере, аналогичную динамику научной рефлексии происходящих перемен. Однако по словам Дж. К. Гэлбрейта, «явления и теории живут отдельной друг от друга жизнью. Как ни парадоксально, явления и теории способны очень долго следовать по независимой траектории» [1, С. 17]. Отчасти это обстоятельство объясняется инертностью научного сообщества, склонного к «расхожей мудрости», противной «изменениям, происходящим в мире» [1, С. 25].

Активная роль формируемых в социумах институтов проявляется не только в том, что они обуславливают поведение экономических субъектов, но и в определении «привычного» институционального «дизайна», вокруг которого и формируются современные теоретические представления. Однако, по словам

К. Поланьи, «нет ничего более нелепого, чем попытка свести всю цивилизацию, все ее содержание к определенному числу институтов, избрать один из них в качестве самого важного, а затем доказывать неизбежность саморазрушения данной цивилизации из-за каких-то частных, технических особенностей ее экономического устройства. Цивилизации, как и сама жизнь, возникают в результате взаимодействия множества независимых факторов, которые, как правило, невозможно свести к ясно очерченным институтам» [2, С. 14].

Для развивающейся науки не существует большего изъяна, чем абсолютизация институтов, которая тем не менее присутствует в академическом и общественном сообществе. С одной стороны, «магия незыблемости институтов» поддерживается (в том числе вполне материальными средствами) основными бенефициарами социальной силы, полнота которой и определяет существующие институты, с

другой, отсроченностью научных революций и продолжительностью периодов аномальной науки (в течение которой действуют отложившиеся взгляды – авт.). «Нормальная наука, – писал Т. Кун, – на развитие которой вынуждено тратить почти все свое время большинство ученых, основывается на допущении, что научное сообщество знает, каков окружающий нас мир. Многие успехи науки рождаются из стремления сообщества защитить это допущение, и если это необходимо, – то и весьма дорогой ценой. Нормальная наука, например, часто подавляет фундаментальные новшества, потому что они неизбежно разрушают ее основные установки», [3, С. 28] – имеется и другое, вполне рациональное объяснение, чрезмерной консервативности научного представления, проистекающего из природы любой теории, являющейся изначально упрощением сложной реальности, для изменения которой требуется относительно длительный период накопления эмпирического знания.

Вместе с тем, вполне обозначившиеся новеллы мирового экономического развития и четко проявляющиеся тенденции диктуют потребность в их научном осмыслении.

Методологической основой статьи стали положения современной неoinституциональной теории, предполагающей видение, в том числе изменений мировой экономики, сквозь призму системного качества институтов (в случае предмета настоящей работы – кооперации, составляющей солидар-

ной экономики, которая, в свою очередь, органически встроена в тренд регенеративной экономики).

В представленной работе использован методологический посыл неoinституционального, согласно которому субъекту экономического процесса активно приспосабливают и обновляют морфологию институтов.

Методический набор средств, использованных авторами, определили эпистемологические взгляды К. Поппера, предполагающего движение исследовательской логики от общего к частному и верификацию теоретических гипотез конкретными факторами экономической реальности, актуальность значительных новаций в экономической теории. Одни исследователи обосновывают такое обновление необходимостью преодоления ее политической и идеологической ангажированности. Например, В.М. Ефимов по этому поводу пишет: «Со времен возникновения экономики как науки правящие круги буржуазного общества были заинтересованы в абстрактных теоретических построениях, обосновывающих видение общества как рынка и бесконтрольности их экономической деятельности» [4, С. 107].

Другие обосновывают такую потребность динамичностью экономического процесса и стремлением обретения релевантного этой подвижности уровня научной рефлексии.

Содержание настоящей статьи раскрывает одно из направлений теоретического дискурса, связанного с все более очевидными признаками становления нового качества глобальной экономической си-

стемы, которую, используя разные критерии и показатели, исследователи характеризуют регенеративной экономикой. Место и роль кооперации в формировании регенеративной, солидарной экономики все больше привлекает внимание исследователей¹.

перации в формировании регенеративной, солидарной экономики все больше привлекает внимание исследователей¹.

Результаты

Внутреннее содержание регенеративной экономики не сводится к «Возвращению в дивный новый мир» О. Хаксли, полного изъянов позднего модерна (расширяющегося разрыва между народонаселением и запасами природных ресурсов, концентрации экономической и политической власти, душевного неблагополучия, нарастающего противоречия между разнообразием социально-культурных форм организации и универсализацией, продвигаемой центрами силы, заменой традиционных этических норм, «в которой личность первична», социальной этикой «приспособления», «адаптации», «принадлежности», «группового мышления» и т.д.) [5, С. 19, 27, 38, 45] и единственному пути преодоления существующих несовершенств через воспитание «свободы духа».

Авторское видение регенеративной экономики отличается от точки зрения тех авторов, которые полагают возможным обновление капитализма на основе «социального патер-

нализма», при котором государство «будет активным, но согласится на более скромную роль; нам необходим рынок, свобода которого будет ограничиваться необходимостью социально осмысленной деятельности, имеющей свою прочную основу в моральных принципах» [6, С. 43].

Доклад Римского клуба 2018 г. содержит специальный раздел 3.1. «Регенеративная экономика». Невозможно избежать искушения заимствовать приведенную в этом докладе мысль Д. Медоуз: «Людям не нужны громадные машины; им нужно уважение. Им не нужен шкаф, полный одежды; им нужно чувствовать себя привлекательными, им нужно волнение, разнообразие и красота. Людям нужна идентичность, общность, вызов, признание, любовь, радость. Чтобы заполнить эти потребности материальными вещами, нужно установить неутолимое влечение к ложным решениям реальных и никогда не удовлетворяемых проблем. Возникающая после психологическая

¹ См. например: Miller E. Solidarity economy: Key concepts and issues // Solidarity economy I: Building alternatives for people and planet. 2010. P.25-41; Dacheux E., Goujon D. The solidarity economy: An alternative development strategy? // International Social Science Journal. 2011. T.62. № 203-204. С. 205-215; Bergeron S. et al. Social and solidarity economy: Beyond the fringe. Bloomsbury Publishing, 2015; Laville J.L. The solidarity economy: an international movement // RCCS Annual Review. A selection from the Portuguese journal Revista Critica de Ciências Sociais. 2010. № 2; Utting P., Van Dijk N., Matheï M. A. Social and solidarity economy: Is there a new economy in the making? UNRISD Occasional Paper: Potential and Limits of Social and Solidarity Economy. 2014. № 10 и др.

пустота является одной из главных сил, лежащих в основе стремления к материальному росту. Общество, которое может признать и сформулировать свои нематериальные потребности и найти нематериальные пути для их удовлетворения, потребует гораздо меньших материальных и энергетических затрат и обеспечит гораздо более высокий уровень реализации человека»².

Проблема регенеративной среды обитания касается не только и не столько экономики (хотя бы потому, что большая часть отходов, загрязняющих биосферу, связана не с производством, а с потреблением), и даже не сферы потребления, сколько сознания человека.

В традиционном обществе человек позиционировал себя частью природы и, исходя из этого, строил свой рацион потребления и поведенческие стратегии, предполагавшие комплементарность в отношении к среде обитания. Человека не подстегивала безудержная жажда обогащения и извлечения из природного потенциала ресурсов сверх необходимых для жизнеобеспечения.

Самой зримой предпосылкой, актуализирующей регенеративную экономику, являются негативные последствия индустриализации для окружающей среды. По поводу последствий «второй индустриальной волны» Э. Тоффлер писал: «Два важных обстоятельства делают невозможным дальнейшее существование индустриальной цивилизации.

Первое: «борьба с природой» достигла критической точки. Биосфера просто не вынесет дальнейшего наступления промышленности. Второе: мы не можем далее неограниченно расходовать невосстанавливаемые энергоресурсы, которые до сих пор представляли собой основную часть дотации индустриального развития.

Эти факты вовсе не означают закат технологического общества или конец энергетики. Они лишь предвещают то, что в будущем технический прогресс будет по-иному строить свои взаимоотношения с окружающей средой» [7, С. 212].

В цивилизации модерна, где спрос стимулируется всеми возможными средствами и инструментами, развернуть «штурвал» общественного сознания от всепоглощающего потребления представляется проблемой экзистенциальной. Мало того, такой разворот, безусловно, означает кардинальную трансформацию основ общественного устройства. Кстати, такая каузальность признается и авторами упомянутого доклада. При этом их предположение о возможности построения «естественного капитализма», заботящегося о благе всего человечества, выглядит малореалистичным. Если не паллиативным, то первым шагом в формировании регенеративной среды обитания человека представляется построение циклической экономики как экономики, основанной на дизайне вещей без отходов и за-

² Доклад Римского клуба 2018. Глава 3.1. Регенеративная экономика // URL: <https://habr.com/ru/company/philtech/blog/416797/> (дата обращения: 11.01.2023).

грязнений. К 2050 году объем природных ресурсов, обрабатываемых в промышленности, оценивается в 170-184 млрд. долл., при этом лишь 8,6 % из этого объема возвращается в природную экосистему (данные Global Circularity Gap Report).

Показатель цикличности европейских лидеров в этом направлении составляет 7%, Норвегии 2,4%³. Но при этом согласно мнению экспертов Global Footprint Network в 2019 году человечество использовало природные ресурсы в 1,75 раза быстрее, чем планета способна регенерировать⁴. Количество химических соединений, наносящих особенно большой вред природе, с 1950 года увеличилось в 50 раз⁵.

Даже первые шаги по пути формирования циклической экономики убеждают в их низкой эффективности.

В 2015 году глава Capital Institute Дж. Фуллертон предложил стратегическое видение формирования регенеративной среды обитания в книге «Regenerative Capitalism».

Ни один из указанных восьми направлений не вызывает сомнений:

- «правильные отношения: признание того, что человеческая экономика – это часть человеческой культуры, которая в свою очередь встроена в биосферу;

- ценность инноваций и адаптивности;

- истинное понимание богатства, которое следует определять с точки зрения благополучия всего живого в целом;

- участие в финансовом богатстве справедливо, хоть и не совсем равномерно, и распределяется в контексте понимания истинного богатства;

- прочный циркулярный поток, стремление снизить расход энергии и материалов на всех видах производства;

- создание добавочной стоимости через творческое сотрудничество разных культур и идей;

- поиск баланса, способность учиться и становиться сильнее от потрясений;

- безусловное уважение ко всем социальным сообществам и конкретным территориям и культурам»⁶.

Конструктивным является общий рефрен авторской стратегии, исходящий из осознания необходимости движения по пути возвращения человечества в лоно природы. И экономика, и потребление, и принципы социальной организации должны не просто корреспондироваться, но встраиваться в природные циклы. Только одно положение автора, вынесенное, собственно, в

³ Егорова Е. Замыкая круг. Циклическая экономика в мире // URL: <https://bellona.ru/2021/10/01/zamykaya-krug/> (дата обращения: 7.01.2023)

⁴ В логике природы // «Регенерация». Приложение № 52 // URL: <https://kommersant.ru/apps/131699>

⁵ Царь природы теряет границы // Коммерсант. «Регенерация» № 237. 21 декабря 2022 г. С. 19.

⁶ Цитируется по: Регенеративный капитализм // URL: https://future-almanac.com/regenerative_capitalism (дата обращения: 5.01.2023).

название книги – «регенеративный капитализм», вызывает сомнения. Капитализм, как экономическая система на протяжении длительного исторического периода эффективно справлявшаяся с удовлетворением общественных потребностей, зиждется на рациональном эгоизме. Тому, кто попытается опровергнуть это положение, придется «опрокинуть» классическую теорию экономики, основоположником которой был А. Смит. Достигнуть искомого результата в «регенерации» возможно только изменив целеполагание глобальной экономики с оптимизации прибыли на достижение всеобщего блага. Данное утверждение совсем не значит, что вновь наступит эпоха социальных революций (хотя и такой неблагоприятный исход не исключается), скорее укрепляет в уверенности, что будущее человечества за информационным обществом, чуждым неравенству, базирующимся на креативном труде, исключаящем эксплуатацию, преодолевающим редкость блага и несовершенство распределения.

Таким образом, мегатренд формирование регенеративной экономики есть процесс, качественно меняющий мироустройство и социальную роль человека, постепенно встраивающегося в природные циклы.

Регенеративная экономика – это прежде всего экономика «ренессанса» ее очеловеченных черт, которые исключила «Великая трансформация» (по К. Поланьи), экономическая система, преодолевшая всеобщность и в то же время отчуж-

денность труда, редкость благ, а, следовательно, рентные отношения, основанные на дифференциации «позиций в социально-политической структуре» общества [8, 25].

Грядущее хозяйственное устройство генерирует доминирующее место человека, наделенного уникальными умениями и способностями, мотивами труда недифференцированного с собственностью и ориентированного не на оптимизацию прибыли, но на максимизацию удовлетворения общественных потребностей, т.е. является реципрокным или социализированным. Такая экономика основывается не на вертикальной иерархии, а на горизонтальной солидарности, масштабы которой растут, по мере охвата социумов сетевой организацией.

Одним словом, история делает крутой разворот, в противоположном указанному К. Поланьи направлении от порядка, в котором социальные нормы продуцируются «экономическим эгоизмом» к экономической архитектуре, подчиненной социальным потребностям. Характеризуя период функционирования цивилизации, воспроизводящей такое мироустройство, К. Поланьи писал: «В целом мы вправе утверждать, что все известные нам экономические системы, вплоть до эпохи заката феодализма в Западной Европе, строились либо на одном из перечисленных выше принципов – взаимности, перераспределения или домашнего хозяйства, – либо на определенном их сочетании. Эти принципы институционализировались с помощью социаль-

ной организации, использовавшей, среди прочего, модели симметрии, центричности и автаркии. В рамках этой структуры регулярный процесс производства и распределения обеспечивался через множество самых разнообразных индивидуальных мотивов, которые, в свою очередь, регламентировались общими нормами поведения. Мотив же прибыли не играл здесь заметной роли. Совместное действие обычая и закона, магии и религии побуждало индивида следовать тем правилам поведения, которые в конечном счете позволяли ему занять свое место в экономической системе» [2, С. 67].

И если в дорыночную эпоху основу реципрокных отношений составляли «родство, соседство тотем», то в актуальной реальности их объективизация связана с всеобщностью природы информации главного источника социального развития. Экзистенциональное «обобществление» в настоящем выходит за рамки общинной семейной консолидации и продуцирует солидарность, преодолевающую даже национальную и региональную локализации, порождая, в том числе особый тип солидарной экономики, целеполагание которой ориентировано на удовлетворение общественных потребностей. В соподчинении с регенеративной солидарная экономика является ее органической составляющей, консолидированной вокруг повестки сотрудничества, взаимопомощи и обобществления.

Представляются небесспорными переходные к подлинно солидар-

ной экономике меры, предложенные С. Беляевым и В. Кошкиным, которые считают необходимым введение института ассоциированной частной собственности граждан (АЧСГ), образованной «в процессе демократизации буржуазной государственной собственности, на такие факторы производства, как природные ресурсы и обобществленный интеллектуальный капитал (знания)» [9, С. 66-71] и солидарных денег (СД), ограниченных функциями меры стоимости и средства обращения [10, С. 34-39].

По мере институционализации солидарная экономика обретает зримые очертания. Особое место в этом процессе принадлежит кооперативной форме социально-экономической организации, прошедшей длительный путь своего развития и обретающая в нынешних реалиях новые смыслы и содержание.

Конструктивный потенциал кооперации, определяющий ее роль в становлении новой социализированной экономики солидарности, заключается главным образом в ее дуалистической сущности, сочетающей черты традиции и модерна, ставшей основанием эволюционного пути рыночной трансформации аграрного общества и позволяющей перекинуть ненасильственный комплементарный «мостик» к постиндустриальной формации.

Применимо к кооперации релевантно не совсем адекватное для общей характеристики рыночной экономики утверждение С. Бриттана о том, что «люди в действитель-

ности лучше удовлетворяют свои эгоистические интересы, если обяжут себя к альтруистическому поведению» [11, С. 65].

Кооперативная мобильность товаропроизводителей, потребителей товаров и услуг обусловлена, в случае с мелкими собственниками, стремлением к обобществлению части ресурсов для повышения конкурентоспособности предприятий, а в случае с потребителями, минимизированную индивидуальную издержки при получении благ.

Таким образом, отправным моментом и в первом, и во втором случае является индивидуальная выгода, которая, интегрируясь, генерирует эффект системного качества «общественной пользы». В свою очередь, кооперативы, предпочитая комплементарные условия хозяйственных отношений к себе подобным, создают кооперацию кооперации (кооперативные отрасли).

Формирование нового качества экономической организации происходит не через революционную экспроприацию собственности, а на основе добровольного ее обобществления и продуцирования кооперативного укладного содержания.

Эволюционный генезис кооперативной организации обуславливает присутствие в ее строе черт традиции (прямой демократии, приверженность высоким нравственным нормам, взаимопомощь и ориентацию в первую очередь на нужды пайщиков, а не на получение

прибыли) и модерна (получение выгоды пайщиков через оптимизацию коммерческой деятельности). Именно такое внутреннее качество кооперации позволяет считать ее наиболее адекватной переходной формой к регенеративной солидарной экономике.

Неслучайно, в этой связи, кооперативная организация показывает высокую эффективность в решении проблемы преодоления нищеты, бедности, используется в качестве инструмента рекрутирования в активную хозяйственную и социальную деятельность малообеспеченных слоев населения⁷.

В то же время кооперация по своей внутренней сути это организация, где общественная консолидация не поглощает уникальность индивида, что свидетельствует о ее имманентности постмодерну. Кооперация, не посягающая на депривацию индивидуального, сохраняет простор для проявления «самоценности» личности.

В связи с установками относительно социальной солидарности Э. Дюркгейм высказал мысль, актуальную для современного цивилизационного мейнстрима демасивизации социумов, развивающегося в связи с интеллектуализацией социально-экономического пространства. В новой информационной реальности каждый индивид как носитель уникального знания приобретает самоценное значение. Актуальное изменение места и роли личности в социуме исключает

⁷ См. например: Иншаков А., Егоров В. Азиатская модель солидарной экономики // Обзор-атель-Observer/ Ноябрь-декабрь. № 11-12. 2022. С. 61-80.

ет солидарность, основанную на поглощении общим индивидуальным, что было характерно, общинной солидарности традиционного общества. Солидарность «органическая» (по Э. Дюркгейму), продуманная интеграцией индивидов, обладающих оригинальным набором качеств и информации, является скрепом общества, проектируемого теоретиками солидаризма. «Задача наиболее прогрессивных обществ», – писал Э. Дюркгейм, – «представляет, значит, дело справедливости. Мы уже показали (и это нам доказывает ежедневный опыт), что фактически они чувствуют необходимость ориентироваться в этом направлении. Подобно тому, как для низших обществ идеалом было создать или сохранить во всей ее интенсивности общую жизнь, в которой индивид был поглощен, – наш идеал ввести как можно более справедливости в наши общественные отношения, чтобы обеспечить свободное развитие всех социальных полезных сил» [12, С. 61].

Таким образом, отношения солидарности, формирующиеся в ходе нарастающей тенденции демассивизации социально-экономического пространства, воспроизводят на более высоком уровне отношения, характерные кооперативной форме организации хозяйства, что, безусловно, свидетельствует о ее имманентности порядку, проектируемому солидаристами и общественной практике постмодерна. По этому поводу, как будто имея в виду внутренний строй кооперации, Э. Дюр-

кгейм писал: «Можно, значит, в буквальном смысле слова сказать, что в высших обществах обязанность состоит не в том, чтобы расширять нашу деятельность, но чтобы концентрировать и специализировать ее. Мы должны ограничить свой горизонт, выбрать определенное занятие и отдать ему целиком, вместо того, чтобы делать из своего существа какое-то законченное, совершенное произведение искусства, которое получает свою ценность из самого себя, а не из оказываемых им услуг. Наконец, эта специализация должна быть подвинута тем далее, чем высшего вида общество – и ей нельзя поставить другого предела. Без сомнения, мы должны также работать, чтобы осуществить в себе коллективный тип, поскольку он существует» [12, С. 63].

Кооперативная организация и генерирование общественных интересов не поглощает индивидуальных мотивов экономической деятельности, но способствует их сублимированию на новый уровень, обеспечиваемый обобществлением. По этому поводу М. Олсон пишет: «О тех, кто принадлежит к какой-либо организации или группе, можно сказать, что у них есть как общий интерес, так и различные персональные интересы, отличные от интересов других индивидов, принадлежащих к группе» [13, С. 6-7]. Наличие в кооперации диалектически единых индивидуальных и общественных интересов порождает ряд фундаментальных противоречий, тем не менее не являющихся непреодолимым препятствием развития

кооперации, но составляющих стимул ее совершенствования.

Наиболее сложным противоречием, вытекающим из столкновения общественных и индивидуальных интересов, представляется сложность масштабирования кооперативной организации, связанной с абсолютизацией ее демократического устройства. Кооперация, предполагающая обязательное участие каждого пайщика в управлении и распоряжении кооперативной собственностью, не допускала увеличения предприятия до пределов, препятствующих реализации этого принципа. Однако, актуальный уровень коммуникационных технологий открывает новые возможности и разрешения казавшегося непреодолимым противоречия. Благодаря электронному формату оплаты каждый участник получает возможность дистанционного принятия решения и получения необходимой информации по всем вопросам жизнедеятельности кооператива.

В современной экономике, где знания и информация обретают значение производительной силы, а труд наемного рабочего становится все более интеллектуальным, происходит объективный процесс трансформации сущности феномена собственности. Рабочие, занятые в производствах и сферах экономической деятельности, в которых большую часть вновь создаваемой собственности приходится на интеллект и информацию, приобретают новое качество собственников своих, уникальных умственных навы-

ков. «Невозможно ни определить, ни предписать заранее, – пишет А. Горц, – как именно трудящиеся будут вкладывать это знание в свой труд. Здесь требуется самоотдача, то, что на языке менеджеров именуется «мотивацией» ... На место наемного рабочего, получающего зарплату, приходит трудящийся – предприниматель, который приглашен сам заботиться о своем образовании, повышении квалификации, медицинском страховании и т.д. Применение знания в качестве капитала существует так же давно, как и промышленный капитализм. Только раньше это применение происходило в основном через использование «мертвого знания», овеществленного в машинах, приборах и процессах» [14, С. 12-13]. Таким образом, исчезает ранее существовавшее препятствие генезиса производственной кооперации, в виде обязательного наличия обобществляемой собственности, представленной материальными активами, в значительной степени сужающее социальную базу этой формы хозяйственной организации.

Депривация материальной экономики, обусловленная цивилизационной трансформацией, создает условие для регенерации природных качеств кооперации, опираясь на которые представители утопического социализма пытались создать свои оазисы некапиталистической экономики, основанной на сотрудничестве и взаимопомощи. Нравственный заряд этих «проектов» был настолько велик, что по сей день воодушевляет мировое ко-

оперативное движение и даже формализовался в его провозглашенных принципах (самопомощи, взаимной собственности, демократии, равенства, справедливости, солидарности) и ценностях (честности, открытости, социальной ответственности и заботе о других)⁸.

Функционирование кооперации в условиях капиталистической «доминации» обусловило наполнение ее сущностного содержания чертами, привнесенными буржуазным миропорядком. На определенных исторических этапах избыточная ассимиляция кооперации в капиталистических отношениях приводила к утрате ее первородной сущности и доверия пайщиков. Так, в 60-70-х годах прошлого столетия коммерциализация европейской кооперации стала причиной падения численности ее членов.

С расширением не рыночной экономики функциональное пространство, имманентное сотрудничеству, составляющему базовую основу кооперации, обретает ранее не проявлявшийся, безграничный потенциал.

Мало того, первые проявления «посткапитализма» дают основания полагать, что дуализм кооперативной организации хозяйства, вытекающий из органического соединения труда и собственности, и определяющий интеграцию традиции и модерна по мере ее инкорпорирования в нерыночный хозяйственный уклад будет претерпевать глубокую трансформацию, направленную в

сторону депривации рыночного и актуализации содержания, финансируемого сотрудничеством. «Живым» свидетельством такого предположения является, например, функционирующий на нерыночной основе проект «Википедии», по сути представляющий собой кооперацию будущей архитектуры, формирующейся на сетевой идентичности.

Изменение места и роли кооперации связано с демассивизацией потребительского рынка, результирующей в трансформацию, обусловленную развитием информационно-сетевых технологий, активно проникающих в торговую сферу. Так рекламная индустрия ежегодно теряет три миллиарда долларов дохода вследствие замещения ее традиционных форм предложением товара через сетевые коммуникации [15, С. 15].

Большие возможности кооперации открываются в пространстве онлайн-продаж. К слову заметить, что в период ковидного 2020 года свыше 32% продаж в США было осуществлено через электронные сети [16, С. 123].

Интеграция в электронные сети торговли открывает для кооперативной социально-экономической формы организации возможности в двух направлениях. Во-первых, производственная кооперация обретает надежный инструмент преодоления трудностей, связанных с масштабированием порой не преодолимых препятствий, продажи своей продукции через традицион-

⁸ Краткая энциклопедия потребительской кооперации // URL: <http://soccoop.ru/code.html> (дата обращения: 12.02.2023).

ные торговые сети: непосильными затратами на сертификацию и стандартизацию, малосерийность и эксклюзивность выпускаемого продукта и т.д. Во-вторых, потребительские объединения, создавая собственные маркетплейсы и цифровые платформы, непосредственно соединяющие производителей и потребителей, избавляются от посредников, оптимизируют логистические схемы и продовольственные цены.

Вместе с тем, было бы неверным полагать, что кооперация может получить указанные преимущества, интегрируясь в экосистемы компаний-гигантов. Используя их, кооперация не только не повышает свой экономический потенциал и социальный эффект, но, напротив, попадает под еще более «могучего» и всеохватывающего «сюзерена» нежели простой торговый посредник, под жесткую руку цифровых корпораций, активно применяющих «вертикальные ограничения», диктующие определенные «правила игры». Вертикальные ограничения, «формируемые на стадии производства, сказываются на росте оптовых (закупочных) цен, снижении качества товаров и количества продуктовых инноваций, сокращении потребительского выбора. На стадии дистрибуции аналогичные ограничения приводят к сокращению диапазона выбора форматов каналов продаж, а также товарных комбинаций «цена-качество». На стадии розничных продаж негативные последствия вертикальных ограничений заключаются в уменьшении количества

розничных продавцов и дилеров; снижении доступности товаров и росте розничных цен; формировании препятствий для инновационного и технологического развития торговой сферы; сосредоточении рыночной власти в руках малого числа операторов. При этом барьеры для входа могут формироваться как отдельно на уровне поставщиков (продавцов) и уровне покупателей, так и одновременно на обоих уровнях» [16, С. 24].

Однако влияние сетевых и информационных технологий далеко не исчерпывается актуализацией нового качества функционального пространства кооперации, но и несет в себе потенциал глубокого сущностного перерождения самой кооперации.

Уже осязаемым последствием информационной революции становится генезис нерыночного сектора экономики, «сетевые технологии для изготовления товаров и оказания услуг которого могут существовать, только если они бесплатны» [15, С. 16].

Жизнеспособность и адекватность кооперации постиндустриальному развитию глобальной экономики демонстрирует появление «поликлеточных структур» кооперативной организации нового уровня, с которых пишут авторы, изучающие хозяйство быстрорастущих стран Азиатско-тихоокеанского региона. В частности, В.Н. Уляхин пишет: «Рыночная интеграция крупных компаний и специализированных, гибко сочлененных между собой мелких и средних предприя-

тий дает новую модель постиндустриальной эволюции, когда в масштабе первичной технологической ячейки как совокупности крупных, средних и мелких поставщиков в пределах определенной отрасли или территории происходят разнообразные комбинации торгового, финансового и промышленного капитала, производства и услуг, включая НИОКР, а также выбор такого сочетания разноукладных хозяйственных единиц, которое в каждом конкретном случае приносит максимальный эффект. Такое предприятие-сеть дополняет собой вертикально интегрированную и горизонтально специализированную частную или частно-государственную корпорацию и даже в известном смысле приходит им на смену» [17, С. 26-27].

Практически безграничные возможности развития открываются для кооперации в рамках платформенных структур. Во-первых, «они создают инфраструктуру, которая соединяет производителей и потребителей»; во-вторых, испытывая трудности в агрегировании материальных ресурсов на стадии создания, «после ее создания затраты на представление дополнительной продукции практически равны нулю», и, наконец, в-третьих, таковые минимизируют затраты на сбытоснабженческие операции [18, С. 9].

«Революция платформ» [19], кардинально меняющая облик отрас-

лей и в целом производства, раскрыла новые масштабы развития и расширила функциональные пределы кооперации до значений, которые не могли предполагать даже самые смелые интеллектуалы. Платформенные образования представляют собой «модулярность разделенных на подсистемы цифровых систем, объединенных разработанными по общим стандартам интерфейсами, позволяющими обеспечить через «программный интерфейс приложений» (Application Programming Interface, API) доступ к корневым ресурсам бесконечному числу пользователей».⁹

В силу своих сущностных качеств платформенная организация экономики позволяет преодолеть считавшееся безусловным качественное отличие потребительской и производственной кооперации.

Основу понимания значения платформ для развития кооперации дают мысли Рональда Коуза, обнаружившего субъект революционных экономических трансформаций в групповом «предпринимателе», внутренние транзакции которого менее обременены организационными технологиями. «Это своего рода микросоциализм, или, если угодно, – пишет С. Чернышев, – «микрокооперация, не требующая для осуществления ни диктатуры, ни партии нового типа», т.е. социальная революция без политического переворота [20].

⁹ Dahlman C., Mealy S., Wermelinger M. Harnessing the digital economy for developing countries. OECD Development Centre, Working Paper no. 334, 2016. 80 p. // URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/4adffb24en.pdf?expires=1618911297&id=id&accname=guest&checksum+EDD34FE9E3F599DE72472092F3C36687> (дата обращения: 6.01.2023).

Заключение

Кооперативная теория не может быть адекватно идентифицирована ни в одном из современных методологических мейнстримов экономической теории и занимает место в пространстве гетеродоксного направления осмысления экономического процесса, «не опирающегося на набор далеких от жизни исходных предпосылок ортодоксии»¹⁰.

Методологический индивидуализм, детерминирующий теоретические основания большинства экономических школ и безусловно не сводимый к тривиальной атомизации агентов экономической деятельности тем не менее базируется на редуцировании их сущности до рационального поведения, обусловленного достижением субъективно воспринимаемой полезности на основе конкуренции в рыночной системе хозяйствования, имеющей потенциал равновесия.

Таким образом, не останавливаясь на критическом анализе основополагающих черт этого методологического подхода, заметим, что в качестве редуцированного «генома» или его первоосновы выступает индивидуальное поведение, опосредованное индивидуальным потреблением [21, С. 98]. Таким образом индивид с присущими ему интересами и потребностями является отправным или центральным субъектом методологии индивидуализма.

Ставшая объектом критики экономистов, не разделяющих основ-

ные постулаты индивидуализма, редукция, тем не менее служит концентрации когнитивного поиска в направлении индивидуальных интересов, являющихся системообразующими в функционировании кооперации. Оставляя мелких товаропроизводителей, именно в ее описании редукция мотивов хозяйственной деятельности до индивида корректно отражает сущность этой групповой формы организации экономики, в которой личность кооператора играет ключевую роль.

В силу агрегирования каждым участником кооперативного предприятия двух статусов собственника и трудящегося, даже незначительное нарушение их баланса влечет утрату природного содержания организации в целом.

Кроме того, именно индивидуальные интересы являются доминирующими в образовании кооперативной организации. Кооператор поступает частью своей самостоятельности ровно настолько, на сколько индивидуальная выгода от этого превосходит ущерб (в том числе моральный), наносимый этим актом.

Таким образом, когнитивный потенциал методологии индивидуализма позволяет корректно описать ряд существенных характеристик кооперации.

Кооперация, возникнув на основе интеграции индивидуальных интересов, порождает самостоятельный

¹⁰ Цитируется по: Кирдина С.Г. Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. № 10. 2013. С. 71.

эффект организации, не являющийся простой суммой трудовых и материальных ресурсов индивидов.

Релевантное направление теории экономического осмысления кооперативной организации может находиться в рамках институциональной методологии¹¹. Традиционное содержание институционализма во многом опосредовано научным принципом холизма, согласно которому «целое представляет собой нечто большее, чем простая сумма своих частей». Взаимодействие частей, входящих в целое, порождает новое качество, определяемое набором новых свойств и характеристик. Принцип холизма составляет противоположность редукционизму индивидуализма, одновременно составляя с ним диалектическое единство в описании кооперативной формы организации. Однако любой перекос в этом единстве грозит гносеологической деструкцией. Абсолютизация любой из сторон сущности кооперации или индивидуальных интересов ведет к искажению в оценке ее природы. Так крен в сторону общественной природы влечет неверное представление об аутентичности кооперации и общины, а перекос в сторону индивидуальной природы позволяет некоторым экономистам рассматривать кооперацию в качестве одной из форм «демократизации капитализма».

В то же время кооперативное качество не сводится к простому вос-

производству любых других производственных отношений и представляет собой особую форму экономической организации, продуцирующую особый социально-экономический уклад.

Известный институционалист Д. Норт с коллегами в вышедшей в 2009 году монографии «Насилие и социальные порядки» выделяет два типа организации: «партнерские, к которым безусловно можно отнести кооперацию, и «контрактные», использующие для поддержания «третью сторону», к которым для примера можно причислить элитные сообщества. Характеризуя партнерские организации, авторы коллективной работы пишут: «Организации координируют действия своих членов, и потому действия организации являются чем-то большим, чем просто сумма действий индивидов. Поскольку они преследуют общую цель в организации и поскольку организации обычно состоят из индивидов, которые неоднократно имеют дело друг с другом, у членов большинства организаций развиваются общие убеждения о поведении других членов и о нормах или правилах их организации. В результате большинство организаций имеют свою собственную институциональную структуру: правила, нормы и общие убеждения, определяющие способ поведения людей внутри организации» [22, С. 78].

¹¹ Неинституционалисты, в отличие от своих предшественников, вернулись на методологические основания индивидуализма. См.: Toboso F. On institutional individualism as a middle way mode of explanation for approaching organization Issues, chapter 10 in Mercuro, N. (Ed.), *Alternative Institutional Structures: Evolution and Impact*. London: Routledge. 2008.

В отличие от «контрактных» организаций, основу консолидации в организациях «партнерских» составляет исключительно индивидуальный интерес ее членов, не требующий дополнительного «принуждения» извне.

Важные положения методологии институционализма проясняют связь собственно институтов и организаций, возникающих как результат создаваемых институциональных рамок.

Организации, к которым Д. Норт причисляет кооперацию, отличаются от институтов, выступающих «в качестве агентов институциональных изменений». Институты, определяющие «рамки» и «структуру» экономической организации, обуславливают ее возникновение и развитие. «Но в свою очередь и организации оказывают влияние на процесс изменения институциональных рамок» [23, С. 20].

Так институты частной собственности и рынка создали «систему стимулов» генезиса кооперативной формы организации, но в процессе ее развития возникли интерактивные побудители к образованию на первоначальной (индивидуальной основе) кооперативной собственности, представляющей собой диалектическое единство частного и общественного. Другими словами, была продуцирована возможность расширения институциональных рамок частной собственности.

Напротив, рынок, являющийся обязательным условием развития кооперации в индустриальную эпоху, имеет ограничения в создании

комплементарных условий функционирования и развития кооперативного уклада. Так неограниченная конкуренция, ведущая к «выбыванию» из числа субъектов хозяйственной деятельности проигравших, в принципе, не приемлема для взаимоотношений кооперативных структур, ориентированных на достижение экономического эффекта не через устранение конкурентов, но партнерские отношения сотрудничества.

Кооперативная практика дает основание утверждать, что развитие предприятий этого сектора тем более успешно, чем больше его экономических связей осуществляется «внутри» кооперативного сегмента общественного хозяйства.

Методология институционализма, позволяющая адекватно описать коллективную, организационную сторону содержания кооперации, тем не менее имеет ограничения в адекватном формировании кооперативной теории. Объясняя поведение индивидов сквозь призму института, их объединяющего, методология институционализма как бы преодолевает индивидуальное начало кооперативных объединений.

Кооперативная теория не может быть простым слепком уже устоявшихся методологических подходов, но представляет собой, как и сама кооперация, сложный концепт, генерированный их конструктивным потенциалом.

Внешняя тривиальность ее соподчинения с методологией индивидуализма и институционализма

обусловлена тождеством институтов частной собственности и рынка, фундирующих все рыночные организации, в том числе кооперативную.

Преодоление методологической ограниченности индивидуализма и институционализма результативалось в поиск подхода их интеграции, «третьего пути». В этом же направлении консолидировался теоретический анализ кооперации [24].

Значительным шагом на пути объединения «расходящихся» теоретических представлений стало продуцирование «институционального индивидуализма», о котором

заявил в середине прошлого века Й. Агасси [25, С. 23].

Последовательное отражение «срединного пути» представлено трудами Ф. Тобозо¹². Согласно его версии, индивидуальные взаимодействия актуализируются внутри институциональных структур, меняющих свой образ в соответствии с потребностями социальных или экономических практик. В концепции Ф. Тобозо рациональное поведение индивидов дополняется переменной обусловленностью их деятельности социальными факторами, что в случае с кооперацией создает необходимые предпосылки ее адаптации к новациям.

Список литературы

1. Гэлбрейт Дж. К. Общество изобилия. М.: Олимп-Бизнес. 2018. 404 с.
2. Поланьи К. Великая трансформация. СПб.: Алетейя. 2014. 311 с.
3. Кун Т. Структура научных революций. М.: ООО Издательство АСТ. 2003. 605 с.
4. Ефимов В.М. Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики». М., 2016. 350 с.
5. Хаксли О. Возвращение в дивный мир. М.: Астрель. 2012. 284 с.
6. Коллиер П. Будущее капитализма / Перевод с англ. Олега Филиппова. М.: Издательство Института Гайдара. 2021. 376 с.
7. Тоффлер Э. Третья волна. М.: Издательство АСТ. 1999. 795 с.
8. Фишман Л.Г., Мартыанов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Изд. Дом ВШЭ. 2019. 409 с.
9. Беляев С., Кошкин В. Экономика и финансы. Солидарная экономика // Эксперт. 2020. № 14. С. 66-71.

¹² Toboso F. Explaining the Process of Change Taking Place in Legal Rules and Social Norms: the Cases of Institutional Economics and New Institutional Economics // European Journal of Law and Economics, 1995. 2(1). P. 63-84; Toboso F. Institutional individualism and institutional change: the search for a middle way mode of explanation // Cambridge Journal of Economics. 25 (6). November. P. 765-783.

10. Беляев С., Кошкин В. Может ли экономика быть солидарной // Эксперт. 2020. № 15-16. С. 34-39.
11. Бриттан С. Капитализм с человеческим лицом. СПб.: Экономическая школа. 1998. С. 398.
12. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 430 с.
13. Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп / Пер. с англ. М.: Фонд экономической инициативы. 1995. С. 6-7.
14. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ. 2010. 206 с.
15. Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М. 2016. 415 с.
16. Заздравных А.В. Вертикальные ограничения на глобальных цифровых рынках // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 5. С. 23.
17. Уляхин В.Н. Торговое предпринимательство в Азии: единство в многообразии // Рынок и социальные проблемы. Восток-Россия. Сборник статей. М.: ИВ РАН. 2013. 132 с.
18. Брада Дж. Платформенные компании и глобальная экономика // Эксперт. № 46. 8-14 ноября 2021. С. 9.
19. Parker G.G., Choudary S.P., Alstyne M.W. van. Platform Revolution. How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You. New York, W.W. Norton & Company. 2017. 352 p.
20. Чернышев С. Парадигма Коуза. Фирмы-платформы извлекают социальную энергию, заблокированную в транзакциях обмена // Эксперт № 9. 28 февраля – 6 марта. 2022 г. С. 34-41.
21. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории / Пер. с англ. М.: Дело. 2003. 464 с.
22. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгай Б. Насилие и социальные порядки. Конституционные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара. 2011. 478 с.
23. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: «Начала». 1997. 180 с.
24. Егоров В.Г. Кооперация. «Третий путь» (К теории вопроса.) Челябинск: Изд-во ООО «Рифей». 2003. 152 с.
25. Кирдина С.Г. Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. 2013. № 10. С. 66-89.

EGOROV Vladimir Georgievich – Doctor of Economics, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Political Economy and History of Economics of Plekhanov Russian University of Economics. Address: 43 Zatsupa str., Moscow, Russia, 117997. E-mail: korrka@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-2478-590

ALEXANDROVA Elena Vasilyevna – Candidate of Historical Sciences, leading researcher, associate Professor of the Scientific School “Economic Theory” of Plekhanov Russian University of Economics. E-mail: NSchool.ET@rea.ru

INSHAKOV Andrey Alekseevich – Junior researcher at Plekhanov Russian University of Economics. E-mail: aero789@mail.ru

Keywords: postmodern, information society, regenerative economy, solidary economy, cooperative form of socio-economic organization.

Funding: The research was carried out within the framework of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-01043 “Cooperation in the development strategy of society”, <https://rscf.ru/project/23-28-01043/>

REGENERATIVE, SOLIDARY ECONOMY: TO THE THEORY OF THE QUESTION

Annotation

The relevance of the topic is determined by the current state of economic theory, which reacts poorly to changes taking place in the global economy. The theory, designed to determine stable and periodically renewable connections, phenomena and trends in the development of processes, creates an idea of a single material life cycle of society. The purpose of this article is to study the actual transformations of the world economy that necessitate the social correction of the political economy.

References

1. Galbraith J. K. The Society of Abundance. M.: Olympus-Business. 2018. 404 p.
2. Polanyi K. The Great Transformation. St. Petersburg: Alethea. 2014. 311 p.
3. Kuhn T. The structure of scientific revolutions. Moscow: Publishing House AST. 2003. 605 p.

4. Efimov V.M. Economic science under question: other methodology, history and research practices". M., 2016. 350 p.
5. Huxley O. Return to the wonderful world. M.: Astrel. 2012. 284 p.
6. Collier P. The Future of capitalism / Translated from English. Oleg Filippov. M.: Publishing House of the Gaidar Institute. 2021. 376 p.
7. Toffler E. The third wave. M.: Publishing House AST. 1999. 795 p.
8. Fishman L.G., Martyanov V.S., Davydov D.A. Rent society: in the shadow of labor, capital and democracy. Moscow: Ed. HSE House. 2019. 409 p.
9. Belyaev S., Koshkin V. Economics and finance. Solidary economy // Expert. 2020. No. 14. pp. 66-71.
10. Belyaev S., Koshkin V. Can the economy be solidary // Expert. 2020. No. 15-16. pp. 34-39.
11. Brittan S. Capitalism with a human face. St. Petersburg: Economic School. 1998. p. 398.
12. Durkheim E. On the division of social labor. M.: Canon, 1996. 430 p.
13. Olson M. The logic of collective action: Public goods and the theory of groups / Translated from English M.: Foundation for Economic Initiative. 1995. pp. 6-7.
14. Gorts A. Immaterial. Knowledge, value and capital. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 2010. 206 p.
15. Mason P. Postcapitalism: a guide to our future. M. 2016. 415 p.
16. Zazdravnykh A.V. Vertical restrictions on global digital markets // World economy and international relations. 2022. Vol. 66. No. 5. p. 23.
17. Ulyakhin V.N. Trade entrepreneurship in Asia: unity in diversity // Market and social problems. The East is Russia. Collection of articles. Moscow: IVRAS. 2013. 132 p.
18. Brada J. Platform companies and the global economy // Expert. No. 46. November 8-14, 2021. p. 9.
19. Parker G.G., Choudary S.P., Alstyne M.W. van. Platform Revolution. How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You. New York, W.W. Norton & Company. 2017. 352 p.
20. Chernyshev S. The Coase paradigm. Platform Firms Extract social Energy Locked in Exchange Transactions // Expert No. 9. February 28 – March 6. 2022 p. 34-41.
21. Hodgson J. Economic theory and institutions. Manifesto of modern institutional economic theory / Trans. from English M.: Delo. 2003. 464 p.
22. North D., Wallis D., Vaingai B. Violence and social orders. Constitutional framework for the interpretation of the written history of mankind. Moscow: Ed. Gaidar Institute. 2011. 478 p.
23. North D. Institutions, institutional change and functioning of the economy. M.: "Beginnings". 1997. 180 p.
24. Egorov V.G. Cooperation. "The third way" (To the theory of the question.) Chelyabinsk: Publishing house of LLC "Rifey". 2003. 152 p.
25. Kirdina S.G. Methodological individualism and methodological institutionalism // Economic issues. 2013. No. 10. pp. 66-89.